

Политика Индии в Центральной Азии в контексте интересов ОДКБ

Общие тенденции развития региональной безопасности. Роль внерегиональных игроков

В настоящий момент сложившаяся в Центральной Азии система региональной безопасности, неотъемлемой частью которой является Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), сталкивается с новыми вызовами и значительными трансформациями. Их главным источником является стремительное изменение внешней среды, связанное как ускорением долгосрочных структурных трендов, так и с конкретными событиями и политическими изменениями последних лет.

Главным внешним мега-трендом, определяющим развитие системы региональной безопасности, был и остается процесс слома однополярного международного порядка и изменение баланса сил на глобальном и региональном уровнях. Непосредственными результатами этого тренда является увеличение внешних и внутренних вызовов политической стабильности стран региона на фоне усиления негосударственных угроз безопасности и обострения геополитического противостояния вокруг и в пространстве Центральной Азии. При этом важной частью этого процесса является трансформация стратегической роли старых и появление новых значимых внерегиональных игроков. К относительно новым факторам можно отнести и Индию, чье политическое и экономическое присутствие в Центральной Азии в последние годы заметно усилилось.

Трансформация роли внерегиональных игроков, их вклада в систему региональной безопасности в Центральной Азии носит весьма разнонаправленный характер. Одним из ключевых факторов является изменение структурной роли США. Политика Вашингтона традиционно оказывала на региональную безопасность неоднозначное влияние. Присутствие американских войск в Афганистане играло роль поддержания статуса-кво в стране и должно было сдерживать рост экстремизма в регионе. В то же время именно американская политика борьбы с террором на Ближнем Востоке и в Средней Азии зачастую приводила к усилению и институционализации террористических группировок и движений, оказывала деструктивный характер на региональную безопасность.

Постепенное свертывание американского военного присутствия в 2010-е гг., а затем и полный вывод войск из Афганистана в 2021 г. трансформировали роль США из во многом определяющей динамику региональной безопасности во второстепенную. При этом усиление российско-американской конфронтации после 2022 г. создает предпосылки и для усиления деструктивных тенденций в американской политике в регионе,

определенную заинтересованность Вашингтона в его дестабилизации. Это фундаментальная трансформация роли США может стать одним из важных вызовов для международной безопасности и стабильности в Центральной Азии.

Украинские события 2022 г. также являются важным фактором развития региональной безопасности и ОДКБ, причём не только в контексте усиления российско-американского противостояния. В новых геополитических условиях **ОДКБ важно сохранить дистанцированность от конфликта, избежать «варшавизации» Организации (восприятия ОДКБ по аналогии с Организацией Варшавского договора – как элемента противостояния двух лагерей).** В этом заинтересованы все страны-члены ОДКБ, так как любое, даже вербальное ее включение в геополитическое противостояние нанесёт ущерб базовым функциям Организации как механизма обеспечения стабильности и безопасности в пространстве ее деятельности.

При этом еще одним фактором, требующим эластичной адаптации ОДКБ, является усиление внерегиональных игроков и их превращение в элементы безопасности в Центральной Азии. Интеграция соседей в систему безопасности центральноазиатского региона, протекающее как по линии двустороннего сотрудничества, так и на многосторонних площадках (прежде всего Шанхайской организации сотрудничества), носит по большей части позитивный характер и способно оказать гармонизирующее воздействие на систему региональной безопасности.

В этих условиях **ОДКБ целесообразно начать проработку развития партнерств с ключевыми внерегиональными (применительно к постсоветскому пространству и в контексте данной записки – Центральной Азии) игроками.** Развитие диалога с ними способно укрепить роль ОДКБ как ведущей структуры по обеспечению региональной безопасности и придать импульс развитию Организации. А также, что немаловажно, закрепить дистанцированный, нейтральный статус ОДКБ и повысить доверие как внутри Организации, так и со стороны внешних партнеров.

Индия представляется в этом контексте одним из наиболее интересных потенциальных партнеров. Это связано как поступательным ростом роли Индии в центральноазиатской системе безопасности, так и довольно специфической ролью, которую Нью-Дели стремится играть в регионе.

Эволюция политики Индии в отношении Центральной Азии

Активизация центральноазиатского направления политики Нью-Дели произошла в последнее десятилетие, приняв четко выраженную форму при правительстве Нарендры Моды. До 2010-х гг. Центральная Азия оставалась в значительной степени на периферии внимания индийской дипломатии, хотя в Нью-Дели неизменно подчеркивали важность этого региона в силу географической близости и тесных исторических связей. Вскоре после распада СССР была выдвинута **концепция «Взгляд на Север»/ «Смотри на Север» (Look North) в рамках которой индийское руководство стремилось выстроить политический диалог с государствами Центральной Азии**, активно развивая идею о глубоких исторических и культурных связях Индии с этим регионом. В 1993 г. премьер-министр Индии Нарасимха Рао (1991-1996) совершил первый визит в регион, посетив Узбекистан и Казахстан, а в 1995 г. посетил Туркменистан и Кыргызстан.

В ходе первых лет оформления индийской политики в отношении Центральной Азии проявились и ее ключевые двигатели и приоритеты. Ими стало, во-первых, стремление обеспечить безопасный внешний контур для поступательного развития. В этом смысле озабоченность Индии традиционно вызывала ситуация в Афганистане и возможность его превращения в источник распространения экстремизма и нестабильности на соседние страны, особенно после прихода к власти движения «Талибан» в 1996 г. Определенные опасения в этой связи вызывала и ситуация в странах ЦА, особенно на фоне гражданской войны в Таджикистане, начавшейся вскоре после обретения страной независимости. Вторым **стратегическим приоритетом и драйвером индийской политики была и остается заинтересованность в энергетической и сырьевой базе региона**, которая с точки зрения Нью-Дели может сыграть важную роль в обеспечении энергетической безопасности страны. Значение обоих этих факторов по мере развития и самой Индии и ситуации в регионе со временем только возрастало.

Однако установившиеся с начала 1990-х гг. благоприятные политические отношения долгое время не конвертировались в конкретные инициативы и проекты, которые могли бы интегрировать Индию в международную систему региона. **Ключевым ограничителем наращивания экономической вовлеченности Индии в региональное развитие был и остается недостаток транспортно-логистической инфраструктуры**, связанный как с политическими, так и с географическими обстоятельствами. Незначительный, как следствие, товарооборот (например, в 2010 г. суммарно со всеми странами региона он составлял не более 500 млн. долл. США) делал центральноазиатские республики для Нью-Дели не самыми приоритетными партнерами с точки зрения развития экономического сотрудничества. Как следствие в определенном смысле «провисала» и дипломатическая активность.

В этой связи наиболее значимые инициативы по развитию сотрудничества с Центральной Азией в 2000-е гг. были направлены на преодоление этого «логистического разрыва» и создание инфраструктуры для наращивания физической торговли. Так, пожалуй, наиболее амбициозной геэкономической инициативой с участием Индии, которая затрагивала регион ЦА в 2000-е гг. (первые обсуждения приходятся еще на конец 1990-х гг.) стало **создание международного транспортного коридора «Север-Юг», призванного логистически соединить соответственно северную (Россия) и южную (Индия) части евразийского континента.** Другим важным проектом-«долгостроем» стала инициатива строительства газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ). Разговоры об этом проекте под эгидой Азиатского банка развития начались еще в 1990-х гг., на начальном этапе преимущественно с участием Туркменистана и Пакистана, однако в 2000-е гг. Нью-Дели также начал проявлять к этому проекту повышенный интерес.

Главным ограничителем на пути реализации этих и других инициатив оставались и во многом остаются неблагоприятные политические обстоятельства. Нестабильная ситуация в Афганистане, обострившаяся в связи с американским вторжением 2001 г., а также другие факторы (введение международных санкций против Ирана, сложности пакистано-индийских отношений) сделали любые экономические, в особенности логистические проекты в направлении региона ЦА высокорисковыми. Внимание региональных игроков, в том числе Индии, было отцентровано на решении вызовов, связанных с терроризмом и обеспечением региональной безопасности, а также обсуждение проблем развития Афганистана. В этих условиях, сохраняя осторожность, Нью-Дели поначалу не выдвигал каких-либо собственных инициатив по укреплению региональной безопасности или специальных диалоговых форматов со странами ЦА. Сравнительно невысокая интенсивность политического диалога отражалась и на частоте и географии визитов: в 2000-е гг. премьер-министр Манмохан Сингх совершил лишь два визита в регион – в 2006 г. в Узбекистан и в 2009 г. в Таджикистан. Обе страны граничат с Афганистаном и именно «сверка часов» по афганскому вопросу являлась фокусом диалога и основным предметом заинтересованности Нью-Дели.

Заметная активизация индийской дипломатии в Центральной Азии пришлась на последние годы нахождения у власти Манмохана Сингха. В конце 2000-х Индия заметно активизировала свое участие в проекте ТАПИ, присоединившись к консорциуму по созданию газопровода. В 2010 г. Сингх принял участие в саммите глав государств и правительств стран-участниц строительства газопровода ТАПИ в Ашхабаде, в результате которого было подписано четырехстороннее межправительственное соглашение по реализации проекта. Деятельное присоединение Индии к инициативе отражало увеличение потребности индийской экономики в энергоресурсах.

ТАПИ активно поддерживается и сменившим Сингха Нарендрой Модии, однако его реализация тормозится в связи со сменой власти в Афганистане и традиционными сложностями в отношениях Нью-Дели и Исламабада.

Более зримым направлением энергетического сотрудничества стало партнерство в области развития гражданской атомной энергетики. В 2009 году Индия и Казахстан подписали соглашение о поставках более 2000 т урана в Индию до 2014 года. В 2011 г. во время визита премьер-министра Сингха в Казахстан стороны закрепили партнерство в области развития атомной энергетики, подписав Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования урана. **Активизация энергетической дипломатии отражала усиливающуюся потребность быстрорастущей индийской экономики в энергоресурсах, что стало одним из ключевых лейтмотивов возрастающей вовлеченности Индии в дела региона.** В особенной мере Нью-Дели интересовала организация стабильных, основанных на долгосрочных контрактах, поставок энергоресурсов и сырья по сухопутным маршрутам.

В 2012 г. Индия выдвинула первую комплексную инициативу, ориентированную специально на регион Центральной Азии – **инициативу «Соединяя Центральную Азию» (Connect Central Asia)**. Новый подход Нью-Дели выразился в двух аспектах. Во-первых, он предполагал более унифицированный подход к Центральной Азии как единому региону, а не только развитие отношений преимущественно на двусторонней основе, к чему индийская дипломатия тяготела до этого. Во-вторых, характерной была широта охвата направлений сотрудничества – предполагалось качественное усиление взаимосвязей (connectivity) с Центральной Азией «в области политики, безопасности, экономических и культурных связей» - всего было оглашено 12 направлений¹. По сути Индия объявила об амбициозном намерении по комплексному усилению своего присутствия в регионе почти во всех сферах, начиная с образования и студенческих обменов, заканчивая расширением деятельности индийских банков в странах ЦА.

На практике одним из главных направлений политики Нью-Дели стала активизация усилий по преодолению «логистического разрыва» как за счет реанимации и развития старых инициатив (транспортный коридор «Север-Юг», ТАПИ), так и путем развития новых направлений укрепления взаимосвязей. В частности, была выдвинута инициатива по усилению взаимосвязей в цифровой сфере, включая развитие в Центральной Азии цифровых сервисов (например, в области телеобразования и телемедицины) с опорой на Индию как источник технологических решений и технический хаб.

¹ <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/#:~:text=India's%20Connect%20Central%20Asia%20Policy,our%20traditional%20relationship%20with%20Russia.>

При этом в Нью-Дели полагали необходимым и существенное наращивание стратегических взаимосвязей и сотрудничества в области безопасности. Эту сферу предлагалось наполнить расширением практики совместных военных учений, сотрудничества в области борьбы с терроризмом и наркотрафиком, а также консультациями по Афганистану. Однако до второй половины 2010-х эта область сотрудничества сохранялась преимущественно в двустороннем формате.

Активизируясь на центральноазиатском направлении, индийская дипломатия стремилась найти и соответствующие площадки для закрепления и дальнейшего продвижения своих инициатив. Особенностью подхода Нью-Дели являлось стремление вписаться в достаточно пеструю институциональную среду региона и уже существующие многосторонние форматы (что резко отличало Индию от, например, США, по большей части просто игнорировавших существующую в регионе политическую инфраструктуру или Турции, стремившейся создавать и продвигать свои форматы, развиваемые вокруг идей пантюркизма). Наращивание взаимосвязей с Центральной Азией предполагалось осуществлять в том числе с опорой на Шанхайскую организацию сотрудничества, Таможенный союз и Евразийское экономическое сообщество. В частности, **Нью-Дели выдвинул инициативу о заключении всеобъемлющего экономического соглашения с Таможенным союзом (в настоящий момент – Евразийский экономический союз) с перспективой его трансформации в зону свободной торговли.**

Активизацию индийской политики в отношении Центральной Азии в 2010-х гг. можно связать со следующими факторами:

- 1) Общее усиление значимости Индии как регионального игрока и расширение внешнеполитических приоритетов Нью-Дели. В 2010-е гг. индийское руководство начало постепенно переосмысливать свои подходы к обеспечению собственных интересов в области экономики и безопасности, во все большей степени рассматривая их через призму проактивного формирования благоприятной для Индии внешней среды. Эта тенденция в особенной мере проявилась в подходе правительства Нарендры Моди.
- 2) Начало постепенного американского исхода из Афганистана – к началу 2010-х стало очевидно, что свертывание военного присутствия США является вопросом времени. Это предопределило необходимость эластичной адаптации к новым геополитическим условиям. То есть – выработки новой, более активной политики Индии в Центральной Азии, а также в отношении Афганистана для обеспечения собственной безопасности;

- 3) Стремление балансировать усиливающуюся экономическую и политическую роль Китая, а также других игроков (Турция, ЕС) в регионе ЦА и Евразии в целом, в том числе через активизацию участия в развивающихся вокруг Центральной Азии многосторонних форматах, а также развитие стратегического партнерства с Россией;
- 4) Увеличивающаяся потребность растущей экономики Индии в минеральных ресурсах, таких как газ, нефть, уран для обеспечения работы атомных станций и др. С этой точки зрения Центральная Азия стала привлекательным партнером с точки зрения обеспечения энергетической безопасности Индии;
- 5) Развитие стран Центральной Азии и увеличение интереса индийского бизнеса в региональном рынке и в целом в развитии экономического сотрудничества с регионом. Страны ЦА стали восприниматься не только логистический хаб, но и как самоценные экономические партнеры

Все эти обстоятельства делали расширение присутствия Индии в Центральной Азии объективным процессом, а не инициативой конкретного правительства. При этом в начале 2010-х гг. регион ЦА только оформлялся для Нью-Дели в качестве стратегического направления внешней политики. Характерно, например, что официальное выдвижение инициативы Connect Central Asia было озвучено занимавшим пост «младшего министра» по иностранным делам² Е. Ахмедом, а не главой правительства или МИДа. То есть, несмотря на амбициозность выдвигаемых инициатив и попытку переосмыслить подход к Центральной Азии, регион все еще инерционно воспринимался в Нью-Дели как важное, но все же не первостепенное направление политики.

Пришедший в 2014 г. к власти Нарендра Моди продолжил и усилил начинания предшественника. Он активно развивал политику Connect Central Asia, существенно повысив уровень политического взаимодействия. Так, уже в **2015 г. новый премьер-министр посетил все пять государств Центральной Азии – невиданный до этого уровень активности Нью-Дели в регионе.** В 2018 г. большое турне по странам Центральной Азии совершила и глава МИД Сушма Сварадж. Увеличение политико-дипломатической активности было направлено на еще большее вовлечение Индии в дела региона. Ключевыми драйверами индийской политики по-прежнему выступали интересы в сфере энергетики и сырьевых поставок, стремление выстроить транспортно-логистические связи и проблемы региональной безопасности.

² Minister of State for External Affairs – должность примерно соответствующая по статусу спецпредставителю по отдельным направлениям деятельности профильного министерства или всего правительства. В правительстве Сингха Е. Ахмед являлся «ответственным» за Ближний Восток и Центральную Азию.

Правительство Моди активизировало усилия по продвижению проектов международного транспортного коридора «Север-Юг» и ТАПИ. Реализация последнего получила в последние годы некоторое развитие – в 2019 г. было завершено строительство туркменского участка газопровода, а с 2018 началась прокладка газопровода на афганском участке. Однако, приход в 2021 г. к власти движения «Талибан» фактически заморозил проект.

Сложности в пакистано-индийских отношениях и нестабильная ситуация в Афганистане сподвигли (и продолжают сподвигать) Нью-Дели искать альтернативные маршруты для обеспечения логистической связки с регионом ЦА. Одним из важных направлений в последние годы стало сотрудничество с Ираном в области развития транспортно-логистической инфраструктуры, ориентированной на укрепление взаимосвязей с Центральной Азией. В 2016 г. Индия и Иран подписали соглашение о расширении порта Чабахар, который стал активно позиционироваться Нью-Дели как ключевой логистический хаб и по сути «ворота в Индию» для государств Центральной Азии. Так, в индийской деловой столице Мумбаи устраивались целые «дни Чабахар», направленные популяризацию порта как перевалочного пункта для развития торговли с Индией. В 2022 г. глава индийского МИД Субраманьям Джайшанкар официально предложил включить Чабахар в проект по развитию международного транспортного коридора «Север-Юг». Во многом чтобы облегчить развитие торговли по иранскому маршруту, в 2017 г. Нью-Дели присоединился к Таможенной конвенции по международной перевозке грузов 1975 г.

Одновременно с этим Нью-Дели не отказывался от участия и поддержки и других проектов по развитию транспортно-логистической инфраструктуры между Индией и регионом ЦА. В 2018 г. Индия присоединилась к Ашхабадскому соглашению между Узбекистаном, Туркменистаном, Ираном и Оманом (в 2016 к соглашению также присоединился Пакистан, а в 2018, вместе с Индией – Казахстан) по созданию международного транспортного и транзитного коридора по маршруту Китай – Центральная Азия – Южный Кавказ – Турция. Такая конфигурация скорее отражала интересы Пекина по развитию логистической связки по линии Запад-Восток. Готовность Нью-Дели включаться в несколько противоречащую продвигаемой им самим логике развития транспортно-логистической инфраструктуры (прежде всего по линии Север-Юг), отражало готовность индийского руководства включаться в любые крупные проекты, которые гипотетически были способны преодолеть «логистический разрыв» между Индией и Центральной Азией. Впрочем, как и в случае с другими такого рода инициативами, реализация Ашхабадского соглашения также «забуксовало».

Параллельно с этим правительство Моди предпринимало попытки по стимулированию экономического сотрудничества посредством устранения торговых и таможенных барьеров. В 2015 г. между Индией и ЕАЭС была

создана рабочая группа по анализу заключения соглашения о зоне свободной торговли. Однако, несмотря на декларированную заинтересованность в таком соглашении с обеих сторон, формальные переговоры о создании ЗСТ Индия-ЕАЭС так и не были начаты.

Наиболее успешным направлением развития экономического сотрудничества с регионом продолжило оставаться партнерство в области гражданской атомной энергетики. Правительство Моди продолжило развивать сотрудничество со странами ЦА в этой сфере. В 2015 г. Индия и Казахстан подписали новое соглашение о покупке 5000 т казахстанского урана. К настоящему моменту Казахстан обеспечивает почти 80% потребностей индийской атомной промышленности в уране. В 2019 г. Индия также подписала соглашение о поставках урана с Узбекистаном. Таким образом, **Центральная Азия играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности Индии в сфере атомной электроэнергетики.**

Вместе с тем, несмотря на активные усилия Нью-Дели и большую заинтересованность стран Центральной Азии в развитии экономического сотрудничества, реальные успехи на этом направлении все же остаются сравнительно скромными. К настоящему моменту ни одна из крупных инфраструктурно-логистических инициатив (транспортный коридор «Север-Юг», ТАПИ, Ашхабадское соглашение) не просто не реализована, но фактически не находится в активной фазе реализации, хотя в последнее время и наблюдается новый всплеск интереса к их развитию. Так, российские и индийские официальные лица снова заявляют о необходимости создания транспортного коридора «Север-Юг». В ходе заседания межправительственной комиссии в апреле 2023 г. российский сопредседатель министр промышленности и торговли Д.Мантуров заявил также о необходимости вернуться к обсуждению соглашения о зоне свободной торговли Индия-ЕАЭС. Логистические проблемы и отсутствие соглашения о ЗСТ остаются одним из ключевых ограничителей для развития торгово-экономического сотрудничества. **Товарооборот между Индией и регионом ЦА хоть и продемонстрировал значительный рост за последнее десятилетие, все равно невелик.** В настоящий момент он составляет около 1,5 млрд долл. США, что в три раза больше, чем десятилетием раньше, однако едва ли идет в сравнение с показателями соседей.

На этом фоне гораздо большие успехи по укреплению связей с регионом были достигнуты в области политического диалога и сотрудничества в сфере безопасности. Этому способствовала и активность самого Нью-Дели на этом направлении. Прекрасно понимая свое отставание в области развития экономического сотрудничества, правительство Моди сделало ставку на расширение и институционализацию форматов политического диалога и укрепление роли Индии как одного из ключевых партнеров региона в области безопасности. В 2018 г. Индия стала полноправным членом Шанхайской

организации сотрудничества, что способствовало институционализации ее роли как одного из ключевых партнеров по диалогу в области региональной безопасности. При этом индийская внешнеполитическая экспертиза и пресса стали активно позиционировать Индию как определенный противовес России и Китаю, делающий ШОС более сбалансированной организацией. **Председательство Индии в ШОС в 2023 г. преподносится внутри и вовне страны как одно из важнейших политических событий, что подчеркивает важное значение организации для Нью-Дели и его региональной политики.**

Правительство Моди также предпринимает усилия по развитию и прямого многостороннего диалогового формата с Центральной Азией. Одной из ключевых инноваций на этом направлении стало создание специального диалогового формата Индия – Центральная Азия, что являлось продолжением логики, заложенной в политике Connect Central Asia – развитие общерегионального подхода, а не только двусторонних связей. Новый диалоговый формат предполагал периодические встречи на уровне глав внешнеполитических ведомств (к настоящему моменту состоялось уже три таких встречи, первая прошла в 2018 г.), а также на уровне советников по национальной безопасности – секретарей советов безопасности государств-участниц диалогового формата.

В 2022 г. состоялся первый саммит Индия – Центральная Азия, приуроченный к 30-летию установления дипломатических отношений. Главным результатом саммита стало, по сути, углубление институционализации самого этого формата. Так, была достигнута договоренность о проведении саммитов высокого уровня каждые два года, которые должны дополняться периодическими встречами на уровне глав МИД, секретарей советов безопасности и министров торговли. Под новый диалоговый формат фактически был создан секретариат в виде Центра «Индия – Центральная Азия», базирующегося в Нью-Дели. Также была сформирована постоянная рабочая группа по обсуждению Афганистана, ситуация внутри и вокруг которого приобрела особую важность после возвращения к власти талибов в 2021 г.

Нью-Дели стремился дополнить развитие диалоговых форматов некоторыми конкретными инициативами в области экономического и гуманитарного сотрудничества. В плане развития экономического сотрудничества была принята дорожная карта по наращиванию торговли. Гуманитарные инициативы Нью-Дели были связаны с противостоянием пандемии и распространением на регион Центральной Азии инициативы «Одна Земля – Одно здоровье». Однако, по сути индийская вакцинная дипломатия ограничилась главным образом взаимным признанием прививочных сертификатов и рядом проектов в области совместных медицинских исследований и разработок.

На этом фоне, прошедший **саммит продемонстрировал ограниченность возможностей Индии на центральноазиатском направлении, особенно с точки зрения использования экономической дипломатии.** Буквально за считанные дни до саммита пяти центральноазиатских стран с Индией прошел саммит Китай – Центральная Азия. Характерно, что данный саммит, также приуроченный к 30-летию отношений, судя по всему готовился в спешке и преследовал целью отменить соответствующее мероприятие, проводимое Индией. В ходе встречи лидер КНР Си Цзиньпин объявил о безвозмездном выделении странам региона 50 млн. вакцин, а также предоставлении экономической помощи в 500 млн. долл. США. Индия предложить такие экономические вливания в регион пока не может.

В этих условиях Нью-Дели во все большей степени позиционирует себя как прежде всего важный политический партнер, который с одной стороны является важным игроком в плане поддержания региональной безопасности, с другой – противовесом Китаю и другим внерегиональным игрокам. В этом плане Индия во все большей степени закрепляется как один из значимых внешних элементов системы региональной безопасности Центральной Азии.

Роль Индии в региональной системе безопасности и интересы ОДКБ

Включение Индии в систему региональной безопасности Центральной Азии произошло почти сразу же после распада Советского Союза и появления в регионе независимых государств. Главным стимулом для включения Нью-Дели в региональные проблемы безопасности стали опасения возможности экспорта экстремизма и нестабильности в регион из Афганистана.

Эти угрозы воплотились в гражданской войне в Таджикистане, которая заставила Индию принять непосредственное участие в укреплении региональной безопасности. Индийская внешнеполитическая экспертиза и пресса приписывали гражданскую войну внешним исламистским силам, поддерживаемым поддерживаемыми Пакистаном афганскими моджахедами, которые использовали межрегиональное и межклановое соперничество в Таджикистане для дестабилизации страны. На этом фоне вовлечение Индии в проблемы безопасности в Центральной Азии в этот период было вызвано в том числе опасениями, что Пакистан может попытаться усилить свое влияние в регионе или способствовать его дестабилизации. Эти опасения только усиливались в связи с обретением Пакистаном ядерного статуса в 1998 году.

Таджикистан в этот период стал ключевым партнером Индии в области безопасности и важным партнёром для вовлечения Нью-Дели как элемента региональной безопасности. Индия активно сотрудничала с правительством Таджикистана в области подготовки вооруженных сил и сил

правопорядка. По признанию многих индийских экспертов в этот период рассматривался вопрос о создании в Таджикистане первой зарубежной военной базы Индии, которая могла бы не только содействовать укреплению безопасности Таджикистана и региона в целом, но и стать своего рода индийским военным аванпостом в Центральной Азии. Свидетельством этого является двустороннее оборонное соглашение, подписанное между Индией и Таджикистаном в 2002 г. В рамках данного соглашения Индия осуществила ремонт военного аэродрома Айни, который рассматривался в Нью-Дели как возможная опорный пункт для собственного постоянного военного присутствия (в конечном счете от этой идеи отказались). Нью-Дели также оказывал материальную и материально-техническую помощь Северному альянсу, которая направлялась через Таджикистан.

Военное сотрудничество Индии с другими странами региона было более ограниченным, концентрируясь преимущественно на сфере военно-технического сотрудничества (главным образом – приобретение у стран ЦА образцов советского вооружения) и сотрудничестве в области военного образования и подготовки. К настоящему моменту Индия стала одним из ведущих внерегиональных экспортеров военного образования.

В 2010-е гг. на фоне общей активизации центральноазиатского направления политики Индии произошло расширение сотрудничества стран региона и по линии военных связей и партнерства в области безопасности. Институционализируя свое присутствие в регионе, Индия подписала меморандумы о взаимопонимании (МОВ) и соглашения, касающиеся обороны и военно-технического сотрудничества, с Казахстаном, Кыргызстаном и Туркменистаном. **В 2011 году Индия провела первые в истории совместные с Кыргызстаном военные учения «Ханджар».** В 2012 г. была достигнута договоренность о создании в стране учебного центра для подготовки личного состава вооруженных сил Кыргызстана. **В 2016 г. Индия также провела свои первые совместные армейские учения с Казахстаном «Прабал Достык», в 2018 г. переименованные в KAZIND (проводятся ежегодно).** В 2018 г. подразделение Вооруженных сил Казахстана также прошло подготовку по проведению миротворческих операций в Индии, с последующим развертыванием в составе индийского батальона в рамках миротворческой миссии в Ливане.

Расширяя свое участие в поддержании региональной безопасности, в Нью-Дели руководствовались несколькими соображениями. Прежде всего, опасения вызывала растущая исламская радикализация. Так, по ряду оценок, после начала гражданской войны в Сирии и провозглашения Исламского государства (ИГ) несколько тысяч выходцев из Центральной Азии, от 2000 до более 4000 человек, присоединились к террористической группировке. Поражение ИГ и потеря им контроля над территориями на Ближнем Востоке

вызывала опасения, что теперь боевики могут вернуться в свои родные страны и составить основу террористических ячеек на местах.

Особенные опасения вызывали перспективы подъема радикализма на фоне свертывания американского присутствия в регионе с неизбежной перспективой дестабилизации Афганистана. В этих условиях Индия стремилась превентивно нарастить свое участие в обеспечении региональной безопасности и стать одной из опор системы безопасности в Центральной Азии. Перспективы развития ситуации в регионе рассматривались в Нью-Дели через призму гражданской войны в Таджикистане, в прекращение которой Индия была непосредственно вовлечена в 1990-е гг.

Вторым стимулом для наращивания вовлечения Индии в региональное сотрудничество в сфере безопасности было и остается соперничество с Китаем, в меньшей степени – другими внерегиональными игроками. В условиях очевидного отставания Нью-Дели в области экономического сотрудничества, партнерство в области безопасности остается главным политическим козырем Индии в плане утверждения своего регионального присутствия. Это определяет высокую заинтересованность Нью-Дели в развитии самых различных форматов международной кооперации в области безопасности.

Включение Индии в состав Шанхайской организации сотрудничества институционализировало ее статус как важного элемента системы региональной безопасности Центральной Азии. При этом одновременно с этим, как было указано выше, Индия развивала и

Таким образом, включенность Индии в систему региональной безопасности протекает на трех уровнях:

- 1) Двусторонние связи с отдельными странами региона, которые включают в себя политический диалог, а также военно-техническое сотрудничество и сотрудничество в области подготовки военных кадров, военного образования;
- 2) Формат Индия – Центральная Азия, включающий специальное диалоговое измерение на уровне секретарей советов безопасности / советников по национальной безопасности, возволяющий вести диалог по безопасности в регионе в целом;
- 3) Шанхайская организация сотрудничества, включающая помимо стран Центральной Азии две другие ведущие державы – Россию и Китай, а также Иран и Пакистан. Таким образом, это наиболее широкий диалоговый формат, позволяющий обсуждать проблемы региональной

безопасности с привлечением практически всех соседей и всех ведущих игроков;

ОДКБ остается единственным форматом безопасности, с которым Нью-Дели пока не имеет выработанной формулы взаимодействия. При этом с обеих сторон существует запрос на разработку такой формулы и создание механизмов сотрудничества. Так, назначенный в 2022 г. послом России в Индии Д. Алипов заявил о желательности вовлечения Индии в сотрудничество с ОДКБ, как одной из ключевых структур по обеспечению безопасности в регионе ЦА, рассматриваемом Нью-Дели как один из приоритетных направлений внешней политики. Это заявление вызвало определенный позитивный отклик в индийском экспертном сообществе. В ходе обсуждений проблем региональной безопасности индийские эксперты подчеркивают высокий уровень сотрудничества между Нью-Дели и всеми странами-членами ОДКБ и высказываются за развитие сотрудничества Индии с самой Организацией.

Вместе с тем, следует признать, что в Нью-Дели на данный момент нет понимания, какую конкретную формулу это сотрудничество могло бы принять. В этих условиях инициатива по его развитию должна лечь на саму Организацию. Оно может развиваться по нескольким направлениям:

- 1) **Создание программы сотрудничества ОДКБ-Индия в военно-образовательной сфере**, которая является одной из сильных сторон индийской стороны и традиционной формой сотрудничества на двусторонней основе. Площадкой для такого сотрудничества может стать Академия ОДКБ, на базе которой возможно как проведение отдельных семинаров и мероприятий, так и создание целой программы по привлечению внешних военных специалистов стран, не входящих в ОДКБ, прежде всего Индии;
- 2) **Развитие диалога по «второму треку» на уровне экспертного сообщества.** Опорными базами для такого диалога могли бы стать специально назначенные научно-экспертные институты стран-членов ОДКБ (по аналогии с соответствующей системой, действующей внутри ШОС) и соответствующая организация или пул организаций с индийской стороны. Такой формат, во-первых, обеспечил бы хорошую базу для дальнейшего сотрудничества уже на более высоких уровнях. Во-вторых, способствовал бы вовлечению индийской экспертизы в проблематику ОДКБ и сделал Организацию более заметной на «радаре» индийской внешнеполитической экспертизы;
- 3) **Проведение совместных учений**, либо как минимум привлечение индийских представителей в качестве наблюдателей на военно-тренировочные мероприятия ОДКБ;

- 4) Наконец, **целесообразно проработать развитие формата ОДКБ+ с привлечением к сотрудничеству внешних партнеров в статусе партнеров по диалогу или наблюдателей.** Развитие такого формата особенно целесообразно в условиях, когда внерегиональные игроки играют все более заметную роль в качестве элементов региональной безопасности в Центральной Азии. При этом создание сети партнерств вокруг ОДКБ было бы способно придать Организации новый статус и роль в регионе – не только конкретный механизм купирования вызовов безопасности, но и важная площадка развития системы безопасности в регионе. Развитие такой роли может приобрести особую важность в условиях возможного расширения ШОС, которое может сместить или ослабить фокус организации с проблем центральноазиатского региона. При этом Индия может стать одним из первых такого рода диалоговых партнеров;
- 5) В рамках развития предыдущего пункта возможно также расширение сотрудничества и в многосторонних форматах. Например, **целесообразным представляется проведение совместного двойного саммита ШОС и ОДКБ,** что позволит сформировать синергетический эффект от институциональной связки двух организаций со схожей повесткой. Наглядным прецедентом является вполне успешное проведение двойного саммита ШОС-БРИКС в 2015 г. в Уфе.

Институт Китая и современной Азии РАН, 11.05.2023